
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

С начала публикации словаря «Славянские древности» прошло 30 лет. Первый том был единственным, изданным при жизни Н.И. Толстого (1923–1996), которому принадлежит замысел и концепция словаря. Остальные тома создавались его сотрудниками и учениками, которые старались неуклонно следовать принципам, сформулированным Н.И. Толстым, главные из них — систематическая проработка языковых, этнографических и фольклорных источников всех славянских традиций, продолжение собственных полевых и архивных исследований в разных районах славянского мира, реконструкция семантики, символики и ритуальных функций основных смысловых единиц традиционной духовной культуры, выявление их системных отношений и ареалов бытования, внимание к вербальному коду народной культуры.

За прошедшие годы авторами словаря и их коллегами по Институту славяноведения РАН была создана целая библиотека этнолингвистических трудов — монографий и сборников, посвященных разным аспектам языка, фольклора и народной культуры славян. Эти труды служат существенным дополнением и продолжением словаря в тематическом и методологическом отношении (см. библиографию Отдела этнолингвистики и фольклора на сайте Института славяноведения, <https://inslav.ru/slavyanskaya-etnolingvistika-bibliografiya-m-2025>).

Во втором издании словарные статьи не претерпели коренной переработки, они дополнены лишь самыми необходимыми языковыми и этнографическими данными; в литературу к статьям добавлены ссылки на новые публикации, посвященные предмету данной статьи; в сводную библиографию внесены источники, введенные в научный оборот после выхода в свет первого издания. Исправлены фактические неточности и скорректированы некоторые положения в презентации материала.

За прошедшие годы в мире изменилась геополитическая ситуация: менялись границы государств и административное деление стран, на карте мира появились новые государства. Материалы, представленные в словаре, рассматриваются в первую очередь в границах историко-этнографических регионов, которые не совпадают с административными и государственными границами, а также в лингвистических границах распространения разных славянских языков и диалектов. Поэтому редколлегия приняла решение воспроизвести карты, отражающие историко-географические и этнокультурные регионы и диалектное членение языковых ареалов по первому изданию.

Иллюстративный ряд дополнен некоторыми новыми примерами, наглядно демонстрирующими традиционные обряды и обычаи славян.

Первое издание словаря получило благожелательные отклики в научной литературе, статьи словаря широко цитируются в работах по языку, фольклору и духовной культуре всех славян. Авторский коллектив и редколлегия благодарны коллегам-славистам за ценные замечания, высказанные в рецензиях на отдельные тома первого издания (см. библиографию на сайте Института славяноведения РАН).

О СЛОВАРЕ «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ» (предисловие к первому изданию)

Настоящий словарь — первый в славистике опыт энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов. Он подводит итог более чем вековому изучению славянского фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства.

Словарь дает представление о славянских «древностях», т. е. тех формах и элементах средневековой славянской культуры, которые дожили до настоящего времени или недавнего прошлого и стали предметом внимания ученых с конца XVIII века. Такими «древностями» богата и сегодняшняя жизнь русской, или польской, или сербской деревни, несмотря на все бурные события XX века. Задача словаря — не просто собрать воедино и истолковать эти реликты прошлого, но по возможности воссоздать на их основе целостную традиционную «картину мира», мировоззрение древних славян, их космологические, мифологические, естественные представления и верования, выявить содержательные категории средневековой славянской народной культуры, отраженные в ней ментальные, моральные, социальные стереотипы и ценности, ее символическую систему.

Постановка такой задачи стала возможной лишь в наше время благодаря распространению лингвистических и семиотических понятий и методов на традиционную область этнографических и фольклорных явлений, что привело к существенному пересмотру и новому осмыслению многих фактов, их системной и сравнительно-исторической интерпретации. Идея реконструкции древней славянской духовной культуры, архаической картины мира могла возникнуть лишь на базе развитой системы понятий и приемов языковой реконструкции.

Замысел словаря сформировался в рамках этнолингвистики — дисциплины, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества (см.: Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос)*. Л., 1983. С. 181—190; *Его же*. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 41. № 5. 1982. С. 397—405). Мощный импульс этнолингвистике дают исследования в области мифологии славянских, индоевропейских и других народов, изучение древнейших форм народного религиозного сознания, во многом опирающиеся на данные языка. Язык, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, психологии, культуры, оказался одним из самых богатых и надежных источников для реконструкции доисторических, лишенных документальных письменных свидетельств форм человеческой культуры. Еще одним стимулом для развития этнолингвистики стала семиотика, изучающая принципы организации (структуру) и функционирования так называемых вторичных знаковых систем и текстов, обслуживающих культуру.

Выбор жанра словаря для подобного синтезирующего труда не случаен. Дело не только в том, что словарная форма, алфавитное расположение статей удобны и экономны при упорядочении и систематизации большого и разнородного материала. Обращение к жанру словаря диктуется также аналогией с языком в самом понимании объекта как «языка» культуры (в семиотическом смысле слова), а выделенных в отдельные статьи единиц (символов) — как «слов» этого языка. Из этих «слов» составляются многообразные по содержанию и жанру культурные тексты. Помимо словаря (лексикона) этот символический язык культуры обладает своей «грамматикой» (морфологией и синтаксисом), которая требует специального изучения (см.: Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // *Труды по знаковым системам*. Вып. 15. Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Тарту, 1982. С. 52—71).

Проект этнолингвистического словаря славянских народных древностей был выдвинут еще на I Международном съезде славистов в Праге в 1929 г. Профессор Эдмунд Шнеевайс предложил рабочий план «Настольного словаря славянских народных верований и обычаев» (*Schneeweis E. Sur l'élaboration d'un dictionnaire-manuel des croyances et des usage populaires slaves // I Sjezd slovanských filologů v Praze 1929. These a poznámky k diskusi. Propositions. Sekce I. Praha, 1929. № 12*). Несколько лет спустя на II съезде славистов в Варшаве и Кракове (1934), а затем на IV съезде славянских географов и этнографов в Софии (1936) замысел такого словаря горячо поддержал Х. Вакарелский, предложив круг тем, связанных с семейными обычаями и поверьями, хозяйственными обрядами, народным календарем, растительным и животным миром (*Вакарелски Х. По въпроса за речника на славянските вярвания // Сборник на IV Конгрес на славянските географи и этнографи в София. 1936. София, 1938. С. 354–357*). Однако события Второй мировой войны отодвинули осуществление этого замысла на неопределенный срок.

Идея создания этнолингвистического словаря для отдельного славянского этноса и разработка его принципов принадлежат русскому диалектологу С. Еремину, который еще в 1926 г. выступил с проектом «Словаря русской этнографической диалектологии» и с соответствующей проектом «Программой» (*Еремин С. Проект словаря русской этнографической диалектологии // Язык и литература. Т. I. Вып. 1–2. Л., 1926. С. 20–52; Его же. Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям. Л., 1926*). В проекте помимо подробно разработанных разделов материальной культуры, социальной организации и юридического уклада, большое место отводилось духовной культуре: народным воззрениям на природу и человека (небо, земля, душа, судьба, счастье, счет, число, страх, радость), семейным обрядам, играм, развлечениям, церковному обиходу, праздникам, постам, народной демонологии, приветствиям и прочим словесным клише и т. д. Этот проект остался неосуществленным, хотя он был закономерным продолжением характерной для русской диалектной лексикографии традиции изучать словарный материал «в его бытовом и этнографическом применении» (Н. В. Подвысоцкий, Г. Куликовский и др.). Такой подход не был чужд и первым крупным славянским лексикографам Вуку Ст. Караджичу, В. И. Далю и др.

В неславянских странах крупнейшим лексиконом народной духовной культуры является десяти томный «Настольный словарь немецких народных поверий» (*Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Herausgegeben von H. Bächtold-Stäubli, E. Hofman-Krayer. Bd 1–10. Berlin; Leipzig, 1927–1942*). Германоязычная фольклорно-этнографическая лексикография достаточно богата и разнообразна (мифологические, сказочные и другие словари); менее специальный характер носят романоязычные словари того же типа (см.: *Staszczak Z. O powojennej leksykografii etnograficznej // Lud. T. LVIII. Wrocław; Poznań, 1974. S. 131–148*).

В славянской лексикографии последнего времени появились серьезные труды, посвященные народной культуре и славянским древностям. В 1980 г. было завершено монументальное издание польского «Словаря славянских древностей», имеющего ярко выраженную археологическую направленность, но включающего и некоторые лингвистические и этнографические факты (см.: *Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych. T. I–VI. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961–1980*). Новостью для славянской фольклористики было появление «Словаря польского фольклора» под ред. Ю. Кшижановского (*Słownik folkloru polskiego / pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965*). Эти словари, хотя они носят энциклопедический характер и снабжены хорошим научным аппаратом, не ставили своей задачей систематизацию археологического и фольклорного материала. Новым типом фольклорного словаря будет подготавливаемый в Люблине «Словарь народных языковых стереотипов», задуманный как компендиум языка польского песенного фольклора, воссоздающий «языковую картину мира» носителей фольклорной традиции (см.: *Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980; Толстая С. М. Этнолингвистика в Люблине // Славяноведение. 1993. № 3. С. 47–59*).

Особую категорию составляют так называемые мифологические словари. Популярный «Словарь мифологии европейских народов» Г. Готшалка содержит преимущественно теонимические и демонологические статьи (*Gottschalk H. Lexicon der Mythologie der europäischen Völker. Berlin, 1973*). Двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира» (М., 1980–1981) дает широкий об-

зор мифологических систем разных народов, в том числе и славян. Собственно славянский материал нашел отражение в «Сербском мифологическом словаре» трех авторов, посвященном не только мифологии, но и другим сторонам сербской традиционной культуры (обрядам, обычаям, представлениям), что придает ему характер этнографического словаря. К сожалению, он лишен необходимой документации и точных географических сведений о приводимых фактах (см.: Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970).

Настоящий словарь отражает определенный этап в изучении славянских древностей, характерной чертой которого стало осознание «морфологии» и структуры обрядовых и других форм народной культуры, разложимости сложных культурных образований на простые элементы, повторяемости отдельных элементов или целых их блоков в разных фрагментах культурной традиции. Когда В. Я. Пропп показал на примере волшебной сказки, что набор возможных функций, из которых составлено бесконечное многообразие сказочных сюжетов, конечен и даже невелик (Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969), когда он позднее продемонстрировал свою идею морфологии на материале русских календарных праздников, выделив некоторые ритуальные действия, повторяющиеся в составе разных обрядов (Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963), метод разложения сложного целого на простые составляющие, столь элементарный во всяком научном анализе, был признан приложимым к такой сложно организованной области, как духовная культура — обычаи, обряды, верования, мифология.

Другая идея, облегчающая возможность парадигматического подхода, состоит в том, что культура, как показали новые исследования архаических культурных традиций, в том числе и славянских, представляет собой иерархически организованную систему разных кодов, т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума (для древних славян — к язычеству). Эти разные коды (напр., космогонический, растительный, энтомологический, ономастический и т. д.) оказалось возможным соотносить друг с другом по способу перевода с языка на язык через общий для них содержательный план, служащий как бы языком-посредником.

При таком парадигматическом подходе к культуре первой задачей словаря становится выделение инвентаря основных значимых элементов языка культуры, затем — установление области функционирования каждого элемента, т. е. всех случаев его значимого участия в том или ином обряде, тексте, веровании и т. д. И наконец, интерпретация каждого элемента, т. е. определение его прагматической функции, семантики и символики.

Еще одна, более общая задача, решаемая не в рамках отдельной словарной статьи, а в рамках всего словаря, — выявление «парадигм» языка культуры или, если пользоваться лингвистической терминологией, — синонимических рядов единиц, выступающих как «изофункциональные», т. е. способные иметь одно и то же символическое значение и одинаковую прагматическую функцию в культурных текстах. Например, в качестве символов множественности и изобилия могут выступать зерно, мак, муравьи, песок, листья и т. п.; семантика изгнания, уничтожения может выражаться действиями — битьем, разрыванием на части, сжиганием, потоплением, забрасыванием на крышу, на дерево и т. п. или «отгонными» предметами — косой, метлой, скалкой и т. п.; в значении апотропея может выступать множество различных предметов: при выгоне скота под порог хлева подкладывают ниты, бердо, пояс, топор, метлу, замок и т. п. Число и состав таких рядов, в которые входит каждый элемент культурного языка, определяют его культурную (символическую) семантику и ритуальную функцию.

Как и лингвистические словари, словарь культурных древностей может преследовать разные цели. Это может быть словарь «этимологического» типа, указывающий генетические истоки тех или иных форм и элементов, их связь с родственными культурными традициями. Это может быть словарь «толкового» типа, раскрывающий семиотические функции и семантику элементов культуры, т. е. ставящий им в соответствие определенные элементы плана содержания. Это может быть, наконец, словарь-указатель, определяющий лишь сферу функционирования и основные культурные контексты выделенных единиц. Как кажется, задача составления словаря этимологического типа для славянского материала пока еще не может быть поставлена в полном объеме из-за недостатка систематических исследований отдельных фрагментов славянской куль-

туры и сравнительных этнокультурных исследований славянских и родственных им традиций. Словари толково-функциональные, вероятно, целесообразно создавать сначала на материале отдельных семантически цельных фрагментов культурной традиции, в рамках которых может быть обеспечена необходимая степень полноты материала.

Словарь, который читатель держит в руках, является скорее словарем-указателем с элементами толково-функционального словаря. «Этимологические» задачи, требующие выхода за пределы славянского материала, здесь, таким образом, не ставятся. Однако все, что можно сделать в направлении реконструкции праславянских форм, семантики и символики толкуемых культурных фактов на почве собственно славянской, т. е. методом внутренней реконструкции, авторы старались отразить в словаре.

Принципиально важным для любого словаря является вопрос о его направлении: от значения (смысла) к форме или от формы к значению. Для этнокультурного словаря этот вопрос оказывается более сложным, чем для языковых словарей, ибо само отношение между планом содержания и планом выражения в сфере явлений культуры оказывается более сложным, чем в языке. Если говорить о плане содержания, то в нем можно выделить несколько уровней: непосредственное содержание, определяемое функцией данного элемента в том или ином культурном контексте (напр., свадебное деревце как объект определенных действий в свадебном обряде), его символическое содержание, выявляемое из всего ритуального и фольклорного контекста (символ девичества), и его глубинно-мифологическое содержание (соотносимое с идеей мирового дерева). В плане выражения тоже можно различить формальные признаки самого объекта (напр., свадебное деревце может быть срубленным деревцем елки, сосны, березы и т. д., веткой дерева, сухим прутьем, изделием из теста, стоящим на лавке или воткнутым в каравай, и т. п.), его языковое или иное символическое обозначение или изображение (свадебное деревце может называться *воля*, *красота*, *ёлка*, *вильце* и т. д.). Какой из этих планов следует выбрать в качестве исходного, т. е. объекта словаря? Описывать ли формы, функции или смыслы? Названия или их референты, т. е. реалии окружающей действительности, участвующие или изображающиеся в разного рода культурных текстах? Эти вопросы вряд ли следует понимать альтернативно. Нужно и то, и другое, и третье. Нужны и словари смыслов, и словари функций, и словари форм, и словари терминологий и т. д.

В данном словаре принято направление от «формы» к смыслу и функции. Реалии в широком смысле (предметы и явления внешнего мира, лица, действия, растения, животные, их свойства и отношения) являются в нем объектом толкования; их названия — компонентом формальной характеристики, а семантика и функции — компонентом содержательной дефиниции. Вместе с тем очевидно, что реалья в ее физическом, вещественном понимании не может иметь смысла, семантики. Носителем семантики может быть лишь знак, который в языке культуры может манифестироваться по-разному, в том числе и реальными предметами, лицами, животными и т. п. (напр., реальным деревом, которое в обряде обвязывают соломой, которому угрожают топором, на которое вешают рубаху больного, под которым закапывают умершего некрещеным младенца и т. д.). Следовательно, подлинным объектом толкования в словаре оказываются не сами реалии и не их ментальные корреляты (концепты, понятия, образы), а соответствующие им *знаки* языка культуры в целом (в единстве их «реальной» формы и символического содержания). Что же касается функций, то их носителями как раз являются реалии, получающие те или иные ритуальные употребления в соответствии со своей символической семантикой (напр., веником бьют больного человека или скотину, чтобы изгнать нечистую силу, и эта его «функция» основана на приписываемых венику «отгонных» свойствах).

Заглавное слово словарной статьи является, таким образом, именем культурного знака, и в большинстве случаев оно совпадает с названием манифестирующей его реалии. Это не исключает, однако, возможности вынесения в заглавие словарной статьи термина, если это термин особой культурной значимости, концентрирующий в себе семантику целого обряда или определенного круга представлений, являющийся ключом к их мифологической интерпретации (напр., *русалка*, *коляда*, *бадняк*, *Марена* и т. п.). Наконец, неизбежны отдельные отступления и от самого принципа «от формы к значению»: так, в словаре толкуются некоторые наиболее общие функциональные категории, с помощью которых интерпретируются конкретные ритуальные

действия (напр., оберег, порча, жертва, запреты, гадания и т. п.). В таких случаях задача состоит в обратном — очертить ту область реалий, с которой соотносится данная функциональная или семантическая категория.

Большое значение придается в словаре ареальной характеристике толкуемых явлений, ибо их адекватная интерпретация может быть дана только с учетом всех территориальных разновидностей каждого элемента или фрагмента культуры в пределах славянского мира и их внеславянских связей. Из истории лингвистики хорошо известно, сколь велика роль географических показателей (т. е. показателей распространения, границ, территориальных соотношений) в решении вопроса о происхождении и истории любого языкового явления, в вычислении архаизмов и инноваций, исконного и заимствованного и т. д. К сожалению, в области изучения славянской духовной культуры ареальный подход еще не получил широкого применения. Несмотря на отдельные удачные опыты картографирования (см.: *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев, 1981; *Славянский и балканский фольклор*. М., 1986; *Etnološki atlas Jugoslavije*. Sv. 1. Zagreb, 1989; *Etnografský atlas Slovenska*. Bratislava, 1990), мы не имеем столь же систематических представлений о культурном ландшафте, культурных ареалах, границах отдельных явлений и их разновидностей, как в языке. В словарных статьях по возможности выделяются территориальные разновидности описываемых фактов и устанавливаются границы их распространения, а также определяются признаки, по которым противопоставлены территориальные разновидности отдельных явлений, разные формы, соотносимые с одним и тем же содержанием, и обозначаются их ареалы.

Если объектом описания в словаре являются все формы, разновидности и «жанры» традиционной культуры: обряды и обычаи, верования и фольклор (план выражения), восходящие к языческому мировоззрению славян (план содержания), то словарь должен отразить практически необозримое множество элементов реального мира, получающих то или иное значение в сфере культуры, хотя далеко не все факты реальной действительности и человеческого существования получают «культурную отмеченность», т. е. приобретают знаковую функцию в культурных текстах. Язык культуры отличается ярко выраженной избирательностью. Одинаковые с точки зрения повседневной, бытовой практики реалии внешнего мира получают в языке культуры разную символическую значимость. Например, волк, кукушка, верба занимают очень важное место в системе культурных символов, а прагматически близкие к ним лиса, дятел, черемуха фактически лишены культурных функций (ср. также культурное значение бороны, топора, горшка, с одной стороны, и лопаты, молотка, миски — с другой). Критерий значимости, таким образом, является главным в решении вопроса о включении того или иного факта в словарь.

Вторым критерием отбора служит повторяемость того или иного факта в разных разделах духовной культуры в пределах одной локальной традиции либо в контекстах разных традиций. Так, например, тот факт, что борона используется у восточных славян для того, чтобы выследить ведьму (смотрят через борону), чтобы увидеть игру солнца на Пасху, на Купалу или на Петра, что на бороне катают молодых или тещу, что в виде бороны пекут весенние хлебцы и т. д., безусловно, свидетельствует о культурной, знаковой функции этого предмета, его мифологической отмеченности. С другой стороны, если в Полесье существует поверье, что палкой, которой вызволяли лягушку из пасти змеи, можно отогнать тучу, и если такое же поверье отмечено у южных славян, то такая параллель, повторяемость на разных, удаленных друг от друга территориях заставляет признать этот факт неслучайным и нуждающимся в интерпретации.

Все многообразие описываемых в Словаре фактов может быть упорядочено с помощью системы общих понятийных категорий и представлено следующим набором рубрик:

1. Субстантивы. 1. Орудия труда; 2. Посуда и утварь; 3. Одежда; 4. Пища; 5. Предметы — атрибуты человека и животных (волосы, шерсть, ногти, рога, пот, слюна, след и т. п.); 6. Культовые предметы (напр., надгробия); 7. Ритуальные предметы (напр., дожинальная «борода» или свадебное деревце); 8. Вещества (металлы, пыль, воск и т. п.); 9. Стихии и природные явления (огонь, вода, земля, ветер, гром, туча, радуга, град и т. д.).

II. Растения.

III. Животные. Птицы. Рыбы. Насекомые.

IV. Лица. Персонажи. Имена. 1. Лица (реальные): а) люди по их семейному, социальному и т. п. статусу (напр., близнецы, сирота, мать, мачеха, хозяин, гость, инородец, пастух и т. п.); б) исполнители обрядов (колядники, додолы, свадебные чины, полазник и т. п.); 2. Персонажи (Купала, Баба Яга, Марена, Макарка и т. д.), в том числе и исторические личности; 3. Святые; 4. Демоны: а) колдуны; б) ходячие покойники; в) собственно демоны (напр., русалки, полудницы, вилы и т. п.).

V. Время. Календарь: а) годовые периоды и календарные даты; б) неделя (дни недели, женские и мужские дни и т. д.); в) сутки (день и ночь, полночь и полдень, восход и закат, рябиновая ночь и т. п.).

VI. Локативы. 1. Пространство (правое и левое, верх и низ, восток и запад, граница и т. д.); 2. Географические объекты (лес, болото, озеро, река, источник, пещера и т. д.); 3. Ритуально значимые места (кладбище, церковь, гумно, баня, колодец, хлев, дорога, перекресток и т. д.); 4. Помещения и их части (дом, печь, чердак, окно, дверь, порог, красный угол и т. д.); 5. Мифические места (вырей, тот свет, край света, ад и рай, тридевятое царство, Сионская гора, Татарские горы и т. д.).

VII. Атрибутивы (качества и признаки). 1. Свойства и способности человека и животных (черты физического облика — цвет волос, глаз и т. д.; сверхъестественные способности и свойства — дурной глаз, двоедушие, оборотничество, ясновидение и т. п.); 2. Число. Порядок (1, 2, 3, 9, 40 и т. д., первый, последний, четный, нечетный и т. п.); 3. Цвет; 4. Прочие признаки: левый/правый, верх/низ, мужской/женский, старый/молодой, свой/чужой, прямой/обратный, сырой/вареный и т. д.

VIII. Действия. 1. Обряды, ритуалы, игры, обычаи (свадьба, похороны, жертва, танец, кумовство и т. д.); 2. Обрядовые действия (напр., обход, опахивание, битье, осыпание, пролезание и т. д.); 3. Формы речевого поведения (молчание, крик, брань, проклятия, пение, плач, голошение, смех, заумь и т. п.); 4. Обереги; 5. Запреты; 6. Порча, сглаз; 7. События (встреча, смерть, брак, сон, обмирание, чудо, болезнь и т. п.); 8. Имя, именование.

Каждая категория и подкатегория соответствует одному из фрагментов народной картины мира и характеризуется своей особой структурной, семантической и «стилистической» организацией в общей системе народного мировосприятия. Так, можно говорить об особой «мифологии» и ритуальном осмыслении пространства, времени, предметного мира, о мифологии обрядов, мифологии растений, животных и т. д. Словарная обработка каждого отдельного факта должна учитывать как особенности соответствующей узкой области народных представлений, так и структуру мифологии в целом.

Словарь включает статьи разных типов — общие и частные, причем эта иерархия может иметь не только две, но и большее число ступеней и подразумевает как отношения типа «род — вид», так и отношение типа «целое — часть», например общая статья «Одежда» (род) и согласованные с ней, конкретизирующие ее отдельные статьи «Платок», «Пояс», «Рубаха», «Штаны» и т. д. (виды). Задача общей статьи — дать сжатую характеристику народных представлений об одежде, очертить ее ритуальные функции и применение. В ней характеризуются: 1. Значимые виды и элементы одежды. Повседневная и праздничная одежда, одежда больных и т. д. 2. Ритуальная одежда: крестинная рубаха, платье невесты, жатвенная рубаха, смертная одежда; костюмы ряженных — шкуры, маски, ветки, ботва, лохмотья, рогожи, бубенцы, обувь и т. п.; обыденные рубахи и полотенца. 3. Ритуальные головные уборы девушки, невесты, женщины; венец, венок и т. п. 4. Магические и обрядовые действия с одеждой: выворачивание, раздевание (нагота), переодевание (ряжение), применение в лечебной и любовной магии (закапывание, сжигание, вывешивание на дереве, «относ», протаскивание через прокоп в земле, через дупло и т. п.), обтирание одеждой (людей, скота), «пересушивание» одежды весной, вывешивание одежды в качестве оберега (напр., в хлеву, на воротах), размахивание одеждой (напр., для отгона тучи), волочение по пашне, по траве, гадание (напр., с поясами), ряжение в одежду предметов, животных, растений, оплакивание одежды и т. д. 5. Обряды, обычаи и запреты, связанные с изготовлением одежды — тканьем, шитьем, вышивкой и т. д. 6. Вто-

ричная ритуальная функция предметов одежды (напр., печенье в виде штанов). 7. Одежда в фольклорных текстах — загадках, толкованиях снов и др.

Общая статья «Обереги» дает обзор и систематизацию предметов, употребляемых в качестве оберега (растения, металлы, острые и режущие предметы, соль, уголь, красный лоскут, нитка и т. д.); действий охранительного назначения (обход, переворачивание, осыпание, окуривание и т. д.); основных ситуаций, в которых применяются обереги и охранительные действия (стихийные бедствия — мор, засуха и т. д., особые «нечистые» дни и «нечистые» места, защита от нечистой силы, сглаза и т. п.); наконец, источников или причин опасности (нечистая сила, колдун, зверь, ходячий покойник, люди с дурным глазом, нечистые предметы, напр., залом и т. п.).

Статья «Свадебный обряд» даст представление об общей структуре обряда, его главных составных частях и их последовательности (сватовство, прощание с девичеством, брак, свадебное торжество и т. д.), общей семантике обряда (переход из одного состояния в другое), символике предметов, действий и лиц, его временной и пространственной упорядоченности, системе действующих лиц, об особенностях его предметного оснащения (свадебное деревце, каравай, вывернутая шуба и т. п.), о функции и месте вербального компонента обряда, об основных чертах его терминологии и «стилистике», а также об основных локальных разновидностях обряда в пределах славянского мира. Такая общая схема облегчает читателю восприятие соответствующих частных статей, трактующих функции и смысл конкретных элементов этого обряда (напр., «Каравай», «Деревце свадебное», «Свадьба символическая», «Брачная ночь», «Венчание» и т. п.). В данном случае общая статья трактует целое, а частные статьи — части целого. Таково же соотношение между статьями «Дом» (целое) и «Порог», «Печь», «Окно» и т. д. (части целого).

Структура частных статей различна для разных категорий словника. «Действие» описывается иначе, чем «предмет» или «животное», однако структура и содержание словарной статьи каждого типа не только адекватны описываемому объекту, но и определенным образом согласованы друг с другом. Общая статья дает определенную рамку и схему, позволяющую поместить в ней каждый частный факт, а частные статьи опираются и в содержательном и в формальном отношении на общую статью. Иного характера согласованность между частными статьями разных категорий, относящихся к разным разделам словника. Простейшим образом это можно показать на примере «предмета», «действия» и «лица». Характеристика предмета предполагает перечень основных действий, которые производятся с ним в тех или иных обрядовых ситуациях. То же касается и характеристики лиц, для которой главными будут их функции, прежде всего связанные с совершаемыми ими действиями. И, наконец, описание действия должно включать как сведения о предметах — орудиях или объектах действия, так и сведения о действующих лицах. Таким образом, действие, помимо специально посвященной ему статьи, может фигурировать в статьях о соотносимых с ним предметах и лицах (а также в статьях категории «Время» или «Пространство»), а предмет и лицо могут быть упомянуты в статьях о связанных с ними действиях. Такие повторения совершенно естественны и никак не должны считаться избыточными. Наоборот, подобная перекрестность служит известной гарантией полноты и систематичности представления материала и сама по себе проявляет и делает более наглядной морфологию описываемой системы культуры.

Словарные статьи, посвященные предметам, построены по следующей схеме: 1. Форма предмета (для ритуальных предметов, т. е. специально изготавливаемых, напр., свадебный каравай, купальское деревце, ритуальная кукла «герман», чучело ведьмы, рождественская маска козы, пасхальная «пальма», дожиночная «борода» и т. п., а также культовых предметов и объектов почитания, напр. источников, надгробий, камней и т. п.); 2. Основные названия предмета, бытующие у славян (напр., для дожиночной «бороды» — борода, Спасова борода, божья борода, дедова борода и т. д.) и связанная с ним фразеология; 3. Семантическая и символическая характеристика; 4. Обрядовые ситуации, в которых употребляется данный предмет, и сами совершаемые с ним действия; 5. Вторичное ритуальное функционирование предмета (напр., изображение его на писанках, вышивках или ритуальных хлебах); 6. Фольклорные данные (загадки, толкования снов, приметы, гадания, легенды о происхождении предметов и т. д.).

Статьи, посвященные лицам, предусматривают перечень обрядов и действий, в которых данное лицо участвует как субъект или объект, обзор связанных с данным лицом представлений

(напр., представление об особой отмеченности первого ребенка или близнецах, инородцах, сиротах и т. д.), а также характеристику фольклорных контекстов и мотивов, касающихся данного лица.

Демонологические персонажи характеризуются по их названиями и фразеологии, внешнему облику, происхождению и превращениям, месту обитания, времени появления, характерным действиям, фольклорным сведениям о демонах, применяемым по отношению к ним оберегам.

Статья, описывающая какое-либо культурно значимое растение, содержит обзор названий и фразеологии, поверий и легенд о происхождении данного растения, его магических функций и ритуальных применений в обрядах, народной медицине и т. п., его изображений на вышивках, писанках, деталях построек, его отражений в фольклоре (загадках, песнях, легендах и т. д.).

Статьи, посвященные животным, включают следующие сведения: 1. Названия и фразеология, в том числе данные об использовании названий животных в других терминологических сферах, напр. в ботанической терминологии, в названиях предметов и т. п.; 2. Для мифических животных — описание внешнего облика; 3. Поверья. Легенды о происхождении (напр., легенды о происхождении аиста из человека); 4. Оборотничество и превращения; 5. Демонологические функции (напр., ласка в роли домового); 6. Связанные с ними запреты и обереги; 7. Участие в обрядах и магических действиях (в качестве объекта, жертвы и т. д.); 8. Посвященные животному дни и места (напр., волчий праздники у болгар); 9. Маски и персонажи в обрядах, играх, танцах; 10. Использование частей тела животного в обрядах, магии, народной медицине и т. п. (напр., конский череп как символ ведьмы в купальском обряде, волчий зуб как оберег, свиная селезенка в гаданиях о погоде и т. п.); 11. Изображение животного на вышивках, писанках, хлебах, постройках и т. д.; 12. Фольклорные данные (загадки, сказки, толкования снов, приметы, гадания и т. д.).

Чрезвычайно важным разделом словаря являются статьи, посвященные действиям. На примере сказки В.Я. Пропп показал принципиальное значение действий как элементов сказочного сюжета, наиболее тесно связанных с функциями действующих лиц, составляющими структурную основу сюжета. Это в полной мере может быть отнесено и к обрядовой реальности, и к мифологическим текстам. Сами по себе предметы, персонажи и прочие субстантивы получают мифологическое истолкование только через предикаты, т. е. прежде всего через характерные для них или направленные на них действия, так как именно действия сопровождаются мотивировками, приоткрывающими «глубинный» смысл, приписываемый народным сознанием различным фактам действительности. Разумеется, даваемые носителями традиции мотивировки не являются непосредственными составляющими глубинного смысла, но они, взятые вместе, помогают реконструировать этот смысл и служат своего рода контрольными типологическими ориентирами. Словарная статья, посвященная действию, включает сведения о 1) названиях действия, 2) времени и обстоятельствах его совершения (когда, в составе каких обрядов, в сочетании с какими другими действиями?), 3) месте исполнения, 4) исполнителях и других участниках действия, 5) используемых предметах (орудиях и объектах), 6) мотивировке и семантике, 7) вербальных компонентах действия.

В словаре используются источники трех основных групп: языковые, фольклорные и этнографические. К первой относятся этимологические словари славянских языков, диалектные словари и атласы, фразеологические словари и исследования по отдельным словам и тематическим группам. Из фольклорных источников использованы публикации текстов, имеющиеся указатели к ним и исследования по фольклору. Этнографические источники включают материалы и описания обычаев, обрядов, поверий, народного искусства, относящиеся преимущественно к концу XIX — началу XX в., указатели, этнографические атласы и исследования.

Еще одним источником, которому придается особенно важное значение, являются собственные полевые исследования членов коллектива, работающего над словарем (прежде всего в Полесье — см.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983; Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986; Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1994). Конечно, новый полевой материал при всем его богатстве не может перекрыть огромную массу накопленных в литературе, архивах и т. д. фактов, добытых другими собирателями. Но работа по сбору по-

левого материала с помощью специально составленных программ дала возможность изучить с необходимой полнотой и систематичностью, пусть только в рамках одной локальной славянской традиции, отдельные фрагменты традиционной народной культуры, притом в естественных условиях их бытования в контексте всего культурного целого, сохраняющегося до сих пор, несмотря на стертость некоторых деталей, в памяти старшего поколения. Доступ к живому материалу не только обогатил фактическую базу Словаря, но и «оживил» свидетельства книжных источников, позволил проверить собственные наблюдения, интерпретации и выводы.

Языковые данные, и прежде всего терминология обрядов и верований, являются неотъемлемой частью плана выражения духовной культуры, причем частью, наиболее непосредственно связанной с содержанием. Эта связь двусторонняя. С одной стороны, факты языка служат важнейшим источником для реконструкции элементов культуры, народного сознания, мифологии; с другой стороны, решение многих собственно лингвистических задач (прежде всего в области этимологии, семасиологии, исторической лексикологии, фразеологии, реконструкции праславянского текста и др.) требует обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контексту. Так, например, реконструкция мифологического содержания народных представлений о божьей коровке основывается в значительной мере на анализе типов наименования этого насекомого у славян и балтов (рус. *божья коровка*, укр. *сонечко*, *бедрик* и др.); анализ славянских названий радуги (напр., *божья дуга*, *божий пояс*, *бабин пояс*, укр. и бел. *смок*, *цмок*, болг. и макед. *вино-жито* и др.) позволяет сделать немало этнографических наблюдений, касающихся народных метеорологических представлений и поверий. С другой стороны, без учета народных обычаев и поверий невозможно было бы этимологизировать даже такие слова, как глагол *петь*, объяснить такие названия ласки, как болг. *невестулка*, *калманка*, луж. *knjenička* и др. Широкий этнокультурный контекст является необходимым условием для этимологизирования собственно «культурных» слов и имен, таких как *бадняк*, *Перун*, *Вильно*, *Макарка* и т. д. Еще большее значение имеет культурный фон для изучения фразеологии, например значение выражений *перемывать косточки*, *пьян как земля*, *здоров как рыба* и др., их внутренний смысл, мотивировка и происхождение выясняются только на базе обрядового, фольклорного, мифологического материала.

Таким образом, терминология славянской духовной культуры (т. е. названия основных культурно значимых реалий, ритуальных действий, персонажей, мифологических существ и т. д.) входит в словарь не в качестве объекта описания, а как одна из важных характеристик трактруемых элементов культуры (см.: *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы.* М., 1989. С. 215–229).

Фольклорные источники привлекаются лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики обрядового и мифологического круга фактов, т. е. в первую очередь обрядовый фольклор, неразрывно связанный с самими обрядами и нередко концентрирующий в себе семантику обряда, затем былички, предания, заговоры и другие жанры, наиболее непосредственно отражающие народное мировоззрение и древнейшие мифологические представления, и, наконец, так называемые малые жанры фольклора, т. е. загадки, пословицы, приговоры, заклинания, словесные формулы и клише, которые благодаря своей устойчивости часто сохраняют черты чрезвычайной культурной архаики.

* * *

В 1984 г. был издан проспект словаря (Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984), который широко обсуждался специалистами — языковедами, этнографами, фольклористами, историками на конференции в Институте славяноведения и балканистики в 1985 г. и получил немало откликов в нашей и зарубежной научной печати (см.: *Сорокоумская Л. В.* // *РЖ Общественные науки в СССР.* Сер. 6. Языкознание. 1985. № 2. С. 39–42; *Гаврилюк Н. К.* До створення «Етнолінгвістичного словника слов'янських старожитностей» // *Народна творчість та етнографія.* Київ, 1985. № 6. С. 70–72; *Budziszewska W., Perczyńska N.* // *Poradnik językowy.* Warszawa; Łódź, 1985. № 7.

S. 464–468; *Eckert R.* // *Zeitschrift für Slawistik*, 31 (1986), 1. S. 149–151; *Eismann W.* Bericht zum Proekt «Etnolingwistisches Wörterbuch der Slavischen Altertümer» // *Die Welt der Slaven*. Hf. 2 (1987); *Bartmiński J.* // *Etnolingwistyka*. T. 1. Lublin, 1988. S. 190–194; *Ziel W.* // *Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte*. B. 31 (16). Berlin, 1988. S. 284–285; *Popowska-Taborska H.* // *Rocznik slawistyczny*. T. XLVI. Cz. 1. 1989. S. 85–89; *Новичкова Т.А.* К обсуждению «Этнолингвистического словаря славянских древностей» // *Русский фольклор*. Т. XXV. Л., 1989. С. 193–200).

Авторы Словаря выражают своим рецензентам искреннюю благодарность за ценные замечания и пожелания, которые были учтены при работе над Словарем. С благодарностью были приняты также замечания Т.В. Цивьян и С.Е. Никитиной, ознакомившихся с рукописью 1-го тома. Большую помощь в добывании источников оказали авторам их зарубежные коллеги, приславшие недостающие или новые книги и ксерокопии статей. Всех помогавших в работе над Словарем трудно перечислить, но нельзя не упомянуть А.В. Тарасьева из Белградского университета и его коллег Л. Раденковича, Б. Терзича и Дж. Трифуновича; проф. Е. Барминского и его сотрудников из Люблинского университета; проф. Х. Поповску-Табorskую и Э. Рудник-Карватову из Академии наук в Варшаве; проф. Э. Бакалову и ее коллег из Софии Ф. Бадаланову и Е. Анастасову; покойного проф. М. Гавацци из Загреба, членов этнологического семинара Загребского университета, проф. М. Бошкович-Стулли и др. сотрудников Института этнологии и фольклористики Хорватской академии наук; акад. Б. Ристовского и его коллег из Института фольклора Македонской академии наук; Л. Хорватову из Братиславы, а также белорусских и украинских коллег — Ф.Д. Климчука, Н.П. Антропова, П.Е. Гриценко, Н.К. Гаврилюк. Они внесли свой вклад в создание Словаря. Всем им и многим, многим другим большое спасибо.

Н.И. и С.М. Толстые

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЕМ

Статьи Энциклопедического словаря расположены в алфавитном порядке. Заглавное слово (название статьи) дается в соответствии с нормами русского языка. За заглавным словом может следовать вариант названия, который дается разрядкой (напр., **БЛУЖДАТЬ**, *заблудиться*).

Дефиниция, следующая за заглавным словом, характеризует понятие с точки зрения его значимости в народной культуре.

Слова, составляющие название статьи, в тексте сокращены до букв (напр., в статье «Август» — А., в статье «Бабин день» — Б. д.).

Там, где это необходимо, в статье даются рубрики, которые выделяются разрядкой.

Календарные даты указываются следующим образом: для католической традиции — единственная дата, для православной — дата по старому стилю; при именах святых дни их памяти указаны по старому и новому стилю. В статьях, посвященных месяцам, границы месяца определяются датами по старому стилю. Календарные праздники, посвященные конкретным святым, как правило, описываются под именем соответствующего святого (Андреев день см. в ст. **Андрей**).

В Словаре применяется система отсылок к другим словарным статьям: а) внутри фразы отсылочное слово дается **полуужирным шрифтом**; б) самостоятельная отсылочная вводится сокращением «см.» и далее отсылочное слово с прописной буквы и **полуужирным шрифтом**.

Терминология и фразеология на языке источника в тексте выделяются *курсивом*.

Специальные термины, диалектные названия и фразеология, при толковании которых возникают затруднения, даются с переводом на русский язык в квадратных скобках или с указанием их значения в марровских кавычках (пример: *пеструха* ‘форель’).

Цитаты приводятся в кавычках на языке источника; перевод дается в квадратных скобках без кавычек. Библиографические источники цитат следуют за переводом в круглых скобках. Когда дается типовой, часто используемый в разных ситуациях текст, тогда указания источника может не быть.

Тексты на украинском и белорусском языках, как правило, даются без перевода.

Реконструируемая праславянская форма слова дается латиницей под звездочкой (*der-).

Для указания на праславянскую форму слова используются надстрочный знак «⁺» и латинская графика (ср. общее для ряда славянских языков название барвинка ⁺*zimozen*).

В географических пометах могут быть использованы старые и новые названия единиц территориального деления (губерния, уезд; повет, область, воеводство) в соответствии с источником, из которого взято конкретное сообщение.

В Словаре применяется система сокращений. Наряду с общепринятыми («т. е.» — то есть, «и т. д.» — и так далее) употребляются сокращения, установленные для данного Словаря (см. Сокращения названий языков, диалектов, этносов и географических названий).

БИБЛИОГРАФИЯ

СОКРАЩЕНИЯ ОСНОВНЫХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ СЛОВАРЯ

В библиографию включены важнейшие источники по традиционной культуре всех славянских народов — этнографические, фольклорные, лингвистические, религиоведческие. Среди них обобщающие труды по славянской духовной культуре в целом, по нескольким славянским традициям или традиции отдельной славянской группы. Из работ, посвященных отдельным локальным традициям, и статей небольшого объема в список включались лишь те, которые содержат уникальный материал и затрагивают редкие, принципиально важные темы. В перечень источников Словаря вошли издания Института славяноведения и балканистики РАН (в том числе сборники тезисов и материалов), содержащие новый полевой материал и отражающие программные принципы коллектива Словаря, а также лучшие дипломные работы и диссертации по различным разделам народной культуры, выполненные под руководством акад. Н. И. Толстого. Из фольклорных источников привлечены в первую очередь сборники обрядового фольклора и так называемых малых жанров. В библиографии представлены систематические указатели сюжетов и мотивов различных фольклорных жанров, культурологические, этнографические, мифологические и религиоведческие словари, энциклопедии и справочники, этнографические атласы, периодические и серийные издания, посвященные фольклору и этнографии (преимущественно духовной, а не материальной культуре). Один из важнейших источников Словаря — архивные и полевые материалы. В библиографический список включены опубликованные описания архивов и названия архивов и отдельных фондов, материалы которых использовались в работе над Словарем.

Библиографические источники приводятся в алфавитном порядке сокращений. Отдельным списком даются архивы, библиотеки, институты, музеи.

ПРАВИЛА СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Для отдельных работ (книг, статей) после сокращения фамилии автора и буквенного сокращения названия следует номер тома / части (выпуска), затем после двоеточия указывается страница. Например: Белк.РС:25 (*Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 25*). Шейн МИБЯ 1/2:47 (*Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка. Т. 1. Ч. 2. С. 47*).

Для серийных сборников, не имеющих нумерации выпусков, вводится их последовательная нумерация. Например: КОО 1:28 (*Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1983. С. 28*).

Для периодических изданий дается сокращенное название журнала, год издания, том (книга) / номер (выпуск). Для обозначения нумерации томов, книг, частей и т. п. используются только арабские цифры; если журнал имеет сплошную пагинацию за весь год, то номер или выпуск может не указываться. Например: РФВ 1918/78/3—4:16 (*Русский филологический вестник. 1918. Т. 78. № 3—4, сдвоенный. С. 16*); ОСб 1875—76/1:124 (*Олонецкий сборник, 1875—76, сдвоенный год издания. Вып. 1. С. 124*).

Для книг, выдержавших несколько изданий, номер издания указывается сверху после сокращения. Например: Аф.НРЛ³:17 (*Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. 3-е изд., доп. М., 1916. С. 17*).